

Сборник трудов Петра Федоровича Преображенского, весьма разностороннего ученого, активно работавшего в 20-е и 30-е годы, содержит почти все им опубликованное из области древней истории. Ученик Р. Виппера — последнего «всеобщего» историка, сфера интересов которого обнимала историю средиземноморских стран от древности до нового времени, — П. Преображенский воспринял от своего учителя не только широту кругозора, но и блеск повествования, редко свойственный нашей специальной литературе. В отношении же широты интересов П. Преображенский оставил своего учителя далеко позади: начав с истории раннехристианской литературы, он обратился затем не только к социологии древней и новейшей истории, но и к этнологии, оставив определенный след в каждой из перечисленных дисциплин.

В работах П. Преображенского в области древней истории сказывается прежде всего историко-литературный уклон: крупнейшее из его исследований и едва ли не самое серьезное — «Тертуллиан и Рим» (впервые увидевшее свет в 1926 году) — в значительной части посвящено оценке места в раннехристианской литературе сочинений карфагенского церковного деятеля и писателя II—III веков Тертуллиана. Другие составляющие сборник статьи являются в большинстве случаев введениями и предисловиями к изданиям некоторых античных литературных памятников — «Илиады», «Одиссеи», комедий Теренция, сочинений Горация и Лукиана, а также к художественным произведениям но-

вого времени на темы из истории древности — «Саламбо» и «Искушение св. Антония» Флобера, «Ипатия» Кингсли. Выдвигая на первое место исторический и социологический моменты, автор тем не менее не сторонится и чисто литературоведческих аспектов, обнаруживает определенный вкус к художественной стороне рассматриваемых произведений.

Оставляя в стороне вопросы хронологии древнегреческого эпоса и связей его содержания с культурой микенской Греции, П. Преображенский устанавливает лишь самые общие линии отображаемого эпосом общественного развития, снимает, таким образом, вопрос о «гомеровском периоде» в Древней Греции, совершенно неправомерно конструируемом до сих пор в некоторых исторических схемах. В качестве общехронологического признака, насквозь пронизывающего эпос, автор указывает на его глубокий аристократизм. Демократический элемент, не чуждый представлениям эпоса и, следовательно, вполне реальный для полисов, в которых слагались гомеровские поэмы или, точнее, вошедшие в их состав песни, трактуется эпосом примерно в тех же тонах, если не в тех же выражениях, как, например, у Теогнида — мегарского лирического поэта середины VI века до н. э.

П. Преображенский указывает и на то, что разновременность, разносторонность и фактическая безыменность эпоса отнюдь не позволяют относить его к «фольклору», как поступают многие новые исследователи, отрицающие единое авторство для обеих или для каждой из гомеровских поэм. В этом отношении П. Преображенскому очень помогли «этнологические горизонты», заставившие

* П. Ф. Преображенский, В мире античных идей и образов, «Наука», М. 1965, 394 стр.

его убедиться в совершенно противоположном мнении: «...блестящие исследования Радлова в области северотюркской народной литературы показали, что как раз здесь о «свободе» можно говорить в очень условном смысле. «Сказителем» является далеко не всякий член рода или племени, а только особо одаренный к этому индивид; и не только одаренность, — для сказительства нужна предварительная выучка, посвящение в тайны этого мастерства, связанные со знанием, известных *loci communes*, традиционных приемов при описании целого ряда ситуаций...» (стр. 22).

Эти соображения, весьма существенные для понимания природы «гомеровского» творчества, до сих пор, думается, не смогли утвердиться в специальной литературе, посвященной изучению происхождения гомеровского эпоса, авторства поэм и их хронологии.

К сожалению, от П. Преображенского ускользнула весьма важная новая тенденция в изучении материала, послужившего для создания многих эпизодов Одиссеевых странствий. Впрочем, она получила развитие уже после того, как были написаны введения к «Илиаде» и «Одиссее». Принадлежность к древнейшей «Аргонавтике» многих эпизодов путешествий Одиссея — факт, позволяющий установить ретроспективный взгляд на историю создания общеэллинского эпоса морских приключений, сотканного из легенд, созданных и собранных эгейскими мореплавателями в разных углах средиземноморского мира.

В прочих своих историко-литературных статьях П. Преображенский касается уже римской литературы, хотя Теренций, к которому вслед за тем обращает наше внимание сборник, и Лукиан, о котором речь идет

несколько далее, тесно примыкают к греческой литературе.

П. Преображенский рассматривает творчество Теренция на фоне экономической и политической обстановки в Италии середины II века до н. э., породившей через несколько десятилетий после его смерти сицилийские восстания рабов и движения Гракхов в самом Риме. При этом он сетует на Теренция за то, что-де его произведения совершенно не отражают тогдашней напряженной общественной ситуации. Вольноотпущенник, социально зависимый человек, Теренций действительно вовсе не отображает революционных тенденций угнетенных слоев италийского населения. Его предшественник Невий отличался вольнодумством, Плавт обнаруживал свою приверженность к угнетенным элементам через «народность» своих персонажей и языка. Теренций же кичился тем, что угоден не простонародью, а лишь тонким ценителям «грецизированного» искусства из кружка Корнелия Сципиона. Несомненно, что творчество Теренция не несет в себе антирабовладельческих идей, однако вряд ли следует его рассматривать только с этой точки зрения. Античное рабство — явление достаточно сложное. Существовали рабы, в свою очередь имевшие рабов. Они подвергались эксплуатации, но и в свою очередь эксплуатировали сами. Теренций явно представлял именно эту общественную прослойку, поэтому нельзя сказать, что он столь резко контрастировал со своей «бурной, диссонирующей и разодранной классовыми антагонизмами» эпохой (стр. 54). С другой же стороны, П. Преображенский вполне отдает себе отчет в той общекультурной миссии, которую несло в себе творчество Теренция, призванное облечь художественные образы аттиче-

ского театра в редкую по тонкости и красоте латинскую речь.

Именуя (впрочем, довольно тривиально) Горация «поэтом золотой середины», П. Преображенский хочет как бы сказать, что на протяжении «золотого века» римской литературы обозначились некие крайние течения. Однако это не так. Замечая, что Гораций не раболепствовал перед властью, как впоследствии Марциал, автор в то же время не в состоянии назвать ни одного римского «поэта-гражданина», который бы хоть сколько-нибудь резко противопоставил себя императорской власти. И если Овидия поразила молния Августовой кары, то его биографы до сих пор расходятся во мнениях относительно истинной причины этого изгнания. Такой причины попросту могло и не существовать — тем осторожнее и сдержаннее должны были вести себя тогдашние интеллигентные римляне... И не является ли плодом величайшей духовной смелости Горациев «Памятник», в котором поэт провозглашает свою славу как более долговечную и заслуженную, нежели слава царей?

Высоко оценивая сатиру «Вольтера античности» Лукиана, П. Преображенский касается по преимуществу его антирелигиозных произведений, высмеивающих ханжество и легковерие. С большой пронизательностью он отмечает то обстоятельство, что Лукиан является важнейшим источником по истории раннего христианства, весьма живо и правдиво представляющим в памфлете «О кончине Перегринуса» одного из реально существовавших, известного также и из христианских источников, вождя древнехристианской церкви, подвизавшегося в Малой Азии и в Греции в середине II века н. э. Он отмечает чисто литературные достоинства этого произведения, дающего

весьма впечатляющий облик длинноволосого, бородатого, облаченного в широкий белый плащ, с сумой и посохом человека, подчеркивает, что через Лукиана мы познаем, насколько христианство II века было связано с греко-римским язычеством и лишено даже той поверхностной иуданстской окраски, в которой оно предстает в новозаветной литературе.

Еще в 1918 году в брошюре Р. Виппера «Возникновение христианства» была анонсирована, видимо, именно та работа П. Преображенского, которая увидела свет через восемь лет под названием «Тертуллиан и Рим». В рецензируемом сборнике она занимает большую половину, определяя этим в значительной мере его специфику. Но для читателя первый подступ к древнехристианской теме звучит уже в весьма важном наблюдении, приведенном в рассмотренной нами статье о Теренции (стр. 44). В ней обращается внимание на очень важное для понимания происхождения христианской идеологии и фразеологии обстоятельство — на совпадение между сохраненными Плутархом словами Тиберия Гракха о положении италийского крестьянства: даже «дикие звери, живущие в Италии, имеют норы и логовища, между тем как люди, умирающие сражаясь за Италию, не имеют ничего...» — и евангельской притчей: «лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову». Конечно, составленная на греческом языке древнехристианская притча не могла содержать заимствования непосредственно из речи Гракха. Но у них, несомненно, был общий источник — сочинение какого-либо из греческих демократических деятелей эллинистической поры, типа царя Клеомена III Спартанского

(III век до н. э.), в Плутарховой биографии которого содержатся черты мифического характера, общие с «биографией» Христа. Но факт этой общности с непреложностью показывает, что христианский миф и христианская фразеология основывались в значительной мере на крайних демократических идеях эллинизма в их политическом и религиозном выражении, что, впрочем, до известной степени пытается оспаривать П. Преображенский.

Вводная глава монографии «Тертуллиан и Рим» представляет собой едва ли не лучший на русском языке очерк возникновения христианской религии, с предельной отчетливостью демонстрирующий процесс обрастания религиозной догмы, в рамках которой мыслился в наиболее ранней христианской литературе (Апокалипсис Иоанна) облик «агнца» и «христа», плотью его мифической, евангельской биографии. В связи с этим П. Преображенский ставит существенный в историческом плане вопрос, на который сам не находит исчерпывающего ответа: почему мифическая, созданная литературным путем биография Иисуса Христа была привязана к реальному историческому моменту — правлению в Иудее римского прокуратора (или, как теперь стало известно из его собственной кесарийской надписи, префекта) Понтия Пилата? Этот римский функционер — Понтий Пилат — прежде всего именно из-за своей связи с биографией Христа нередко признавался исторической критикой, так же как и сам Христос, за выдуманную личность. Но поскольку теперь известно, что Понтий Пилат действительно управлял Иудеей в 26—36 годах, абсолютной реальностью должна быть признана его жестокость и презрение в отношении еврейского населения, кра-

сочно описанные у Иосифа Флавия. Это-то и послужило причиной для последующего отнесения деятельности Иисуса Христа именно к годам правления Понтия Пилата.

П. Преображенский специально не занимается рассмотрением стиля Тертуллиана. Но многочисленные цитаты из его сочинений подобраны так, что возникает очень отчетливая картина нового для римской литературы жанра религиозно-морального трактата, основанного на законах греко-латинской риторики, несколько сдобренного библейской образностью в духе древнепророческих и новозаветных сочинений.

Уже говорилось, что П. Преображенский проявлял интерес к художественным произведениям на античные темы, в частности к знаменитым сочинениям Флобера «Салаambo» и «Искушение св. Антония». В сборнике им посвящены две статьи, рассматривающие литературные приемы Флобера, использованные французским романистом при обработке древнеисторических сюжетов. С большими похвалами отзывается П. Преображенский о «Салаambo», подчеркивая, что для создания этой повести Флобер должен был предпринять огромную антикварную работу по восстановлению деталей карфагенского быта. Он в особенности останавливается на флоберовских социальных характеристиках, относя их в значительной степени за счет его художественной интуиции. Надо, однако, сказать, что многие страницы истории Карфагена, в особенности антирабовладельческой «Ливийской войны» между верхами и низами карфагенского общества (241—238 годы до н. э.), явившейся для Флобера темой его повествования, не были хоть сколько-нибудь детально выяснены не только в эпоху

французского романиста, но и в настоящее время.

Сборнику предпослано предисловие Е. Штаерман. Автор анализирует преимущественно те из работ П. Преображенского, какие представляют особый интерес в социально-историческом плане. К сожалению, Е. Штаерман несколько недооценивает научное значение исследований П. Преображенского в области истории раннехристианской литературы, по внутренней последовательности и тонкости анализа превосходящих многое из написанного на эти темы после его смерти. Результаты исследований П. Преображенского очень близки к выводам новейшего антиковедения, рассматривающего древнехристианскую литературную традицию в рамках древнегреческой морально-философской и религиозной литературы, как одно из ее закономерных проявлений.

Не удержалась Е. Штаерман и от упрека в том, что П. Преображенский разделял преодоленную ныне (но обязательную во времена его литературной деятельности) формулу о социальной революции рабов, приведшей якобы к падению античного мира. Видимо, по этой же причине в сборник не была включена статья «Падение Древнего Рима», напечатанная в № 5—6 журнала «Борьба классов» за 1934 год.

К чести П. Преображенского следует сказать, что он был весьма далек от примитивного и прямолинейного истолкования рабских восстаний и других народных движений эпохи упадка Римской империи. Он всемерно подчеркивал культурный и социальный регресс, с которым было связано утверждение господства сармато-германских племен на территории империи. Во-первых, народные движения имели этнический характер, поскольку рабы из числа варваров, восставая против Рима, тем самым воссоединялись со своими соплеменниками, а во-вторых, форма эксплуатации, на которую их обрекал переход производительных сил в руки новых владельцев, отличалась некоторой архаичностью и мягкостью по сравнению с рабовладельческой системой Рима. Это и было, по мнению П. Преображенского, одной из главных причин народных движений, связанных с варваризацией империи (стр. 155 и сл.).

Нельзя не посетовать на редакцию сборника за то, что в этом — весьма своевременном и необходимом для прогресса исторической науки и истории литературы — издании отсутствуют указания на первоначальные публикации вошедших в него работ.

Л. ЕЛЬНИЦКИЙ

КОРОТКО О КНИГАХ

ЛИТЕРАТУРА «БОЛЬШАЯ» И «МАЛАЯ» *

«Шумное захоlustье» — несколько парадоксальное, на первый взгляд, словосочетание. Оно выгля-

дит явно полемически. И книга Ю. Оклянского в целом тоже получилась полемической, не потому только, что в ней оспариваются, отвергаются или уточняются интерпретации других исследователей, ка-

* Юрий Оклянский, Шумное захоlustье, Куйбышевское книжное изд-во, 1965, 235 стр.